

Леонид ПОПОВ

**Лета
нашего
итог**

**Писательская организация
Кострома, 1997**

Леонид ПОПОВ

По утверждению критики, Л.Н.Попов - поэт милостью Божией. Родился в 1947 году. Окончил Московский геолого-разведочный институт, работал инженером-геологом в Забайкалье и Центральных Кызылкумах. Был участником VIII Всесоюзного и I Всероссийского совещания молодых писателей. Член Союза писателей России. В новом сборнике поэт создает свой образ нашего тревожного времени.

«...НАД УГОРОМ СИЯЕТ ЗВЕЗДА»

Читатель узнает чувствами, душой поймет, что поэт сказал свое новое и важное слово о жизни. Однозначность новизны будет для него очевидна, если он способен слышать поэтическое откровение, если в стихах привлекает не то, как они сделаны а какой мерой таланта. «Талант — единственная новость, которая всегда нова». Давно известно: для настоящих стихов, истинной поэзии одного мастерства мало. Уже сказано, что нужна собственная кровь, и пока эта кровь не выступила на строчках, поэта в настоящем смысле слова нет, а есть только версификатор. (Варлам Шаламов)

И все-таки при подготовке этого сборника были трудности, складывался он по особым ориентирам, определяемым ритмом «дыхания и сердцебиения», а не по каким-то канонам или внешним признакам. Вероятно, судьба поэта диктовала свои «условия», требовала смещений во времени, перепадов интонации.

Вслушиваясь в голос поэта (да, теперь мы знаем этот голос), то мелодичный и свободный, то напряженный и срывистый, то философски раздумчивый и даже меланхоличный, уходишь от собственной повседневности к тому новому и важному, что следует знать, пережить и осмыслить. Книга сложилась нашим общим заинтересованным отношением к пережитому и высказанному открыто, потому что уже невозможно было молчать. Оказалось, собранная рукопись представляет творческий процесс, у которого вроде бы и нет начала, нет никаких первых стихов, обусловленных периодами жизни поэтических циклов, историческими вехами обозначенных разделов. А есть нечто естественное и совпадающее с движением судьбы Леонида Попова.

Вспоминаю многие встречи, беседы, поздние разговоры. Вспоминаю литературные вечера, поэтические семинары. Были новые стихи, может быть, написанные гораздо раньше, но прочитанные под настроение. Были размышления о жизни, о литературе, о духовном и прекрасном. Дни литературы в районах — такие поездки из отдаленной Вохмы случаются редко — освежали самочувствие сосредоточенного человека, и он светлым взглядом просматривал свои годы, чтобы студенты, школьники, учителя получали обнадеживающие ответы на «романтические» вопросы. Он

доверительно рассказывал о том, как и почему стал геологом, какие обстоятельства заставили изменить избранному пути, когда пришел в вохомскую районную газету, чем испытывает человека бытовизм и возможно ли под гнетом многих «домашних» забот оставаться самим собой, в соответствии тому, что дано от Бога... Но главное было в стихах. В человеке всему мера есть — душа его.

Леонид читает стихи, лишённые пресловутой «злобы дня», разнообразные по чувствам и мыслям картины природы все определеннее выходят к сближению «предметов несовместимых», к единому представлению о мире и человеке. И выпевается слияние души человеческой с отзывчивой душой природы. И рождается «проталинка птичьего свиста в предутренней муторной мгле». Такая проталинка после бессонной темноты, когда «ночь сжимает в клубок горизонт», становится чудом открытия. Понятна теперь краткость стихотворений, освобожденных естественно, в процессе «предварительного вызревания», от молниеносных сравнений, образов, вызываемых мелодией, рифмой, аллитерациями. Вдруг понимаешь созвучие сказанного тому, что в тебе самом давно разбужено.

По словам московских критиков (Ст.Золотцев, Вл. Гусев), в стихах Л.Попова зримое — слышится, а едва слышимое — тайный гул,

горестный вздох — становится зримым. Невольно думаешь о естественной магии Слова ответственного, выстраданного, ориентированного — вопреки всем веяньям и штукачеству — на то, чтобы его услышал родной народ, «который, что ни пой, — поймет! А не поймет... Не пой». Поэт заявляет себя с настойчивым максимализмом, словно взрывается вдруг после умиления.

Но, теряя пустую свободу,
Обретаешь в раздумной тиши
Умиления сердечную воду
Для бесплодной пустыни души.

Еще недавно неизвестный автор из отдаленного костромского села публикациями в журналах «Смена», «Север», «Москва», «Наш современник», «Русь» и других представлен был как неожиданно вошедший в русскую поэзию. Искушенные критики по первым книгам открыли для себя художника, кудесника слова, которому дано знать нечто свое об этом мире и человеке. Дано знать и отпущена способность говорить по-есенински открыто, свободно, с предельной полнотой бытия. «Ах, как сладко я нынче живу — целый вторник уже, целый вторник». Замечены эти простые и дивные строки. Значит, еще не заполнилось восприятие, не зачерствела душа у столичных

ценителей, вот они и говорят о том, что нужны каждому из нас такие слова, такие вторники самоценной, неповторимой жизни...

Поэт всегда под властью движения чувств и мыслей. Он всегда больше, значительнее сказанного о нем и даже больше вложенного в стихи, он всегда дальше любой публикации. И в этой книге Леонид Попов еще не тот, каким представляется по уровню таланта, чувству слова, болевой причастности к жизни других. Поэтическая зрелость, профессионализм в силу каких-либо житейских «перепадов» иногда дают сбой. Отсюда вывод: талант и профессионализм не обеспечивают полного самовыражения, являются только условием для реализации замыслов. Из недр этого сборника стихотворений — зримо прорастает все, о чем непременно должно быть спето неповторимым голосом, — важное и простое, резонное и весомое. Для того и «родятся поэты на высоких широтах Руси».

Михаил БАЗАНКОВ,
секретарь Союза писателей России

* * *

А Родина — вот, за порогом,
Где серым осенним деньком
Земля, что возлюблена Богом,
Вся убрана дивным снежком,
Где тучи так низко нависли,
Что холодом ломит висок!..
Просты мои тихие мысли,
И сердца замах невысок.
Но где еще встретишь такое —
Ты только отважься, представь! —
Чтоб неба коснуться рукою,
Всего-то и нужно — привстать...

* * *

Ах, какие нам грезилась яви
И какие прозрения жгли!..
Не до нас оказалось Державе,
Почивающей в теплой пыли.
И пока по московским курилкам
Мы искали явлениям связь,
Тут и там, матеря затылком,
Всюду нечисть жирела, плодась.
Вот им нынче и явлены яви!
Сколь их нынче над нами — господ?..
Да на кой эта нечисть Державе?!
Ты подумай, подумай, народ...

* * *

М.Б.

Барыня-мачеха кличет. Давай,
Штопай рубаху, жена...
Да поискусней, смотри, зашивай —
Внешность в столицах нужна.
Там по одежке встречают, как встарь.
То-то придется дрожать,
Хоть и велел государь-секретарь
Накрепко марку держать.
Нынче Москва — не Россия, смотри.
Там, как в парижках, — шарман.
А потому хоть рассолом протри
Держанный мой чемодан...

* * *

Вот и все... уезжаем,
Водку зябкую пьем.
Старый лагерь бросаем,
Не горюем... поем...
Оставляем здесь речку,
Посвист осени злой
Да остывшую печку
С посеревшей золой...
Потемнели дороги,
Притаились в ночи.
У зимы на пороге
Посиди, помолчи...

* * *

С.П.

Давай-ка, брат Серега,
Гневить не будем Бога,
А ладно да согласно
О главном воспоем:
О горестном, о грустном,
О нашенском — о русском! —
В кругу — чего там! — узком,
Да все-таки — своим...

Ах, май грозит метелью,
Черемуховой прелью,
И небо блещет синью
Стеклянною, как лед!..
Но мы котомки скинем,
Потом — стаканы сдвинем
Под нашим небом синим
За наш родной народ...

* * *

Господа геологи, черти карьерные,
В Кызылкумах ваших — травы взошли,
По пескам разбрызгали кровь
 тюльпаны первые...
А мою берлогу снега замели.
Стужа непроглядная!
 Ничего не надо...
А тоска... Приучены чаем лечить.
И всего-то праздников, и одна отрада—
Если доведется письмецо получить.
Да совсем не пишете, смуглые черти,
Каторжники страсти, работы, семьи...
Ох, как я соскучился — верьте не верьте! —
По песку, по солнышку, родные мои...

* * *

Дорога на то и дорога,
Чтоб плакала ты, недотрога.
Чтоб вместо постели — скамья,
И слезы заместо вранья.
Разлука — на то и разлука,
Чтоб мучила жаркая мука,
Чтоб в этом палящем огне
Вся боль выгорала во мне.
Тревога — на то и тревога,
Чтоб нам до родного порога
Сквозь все искушенья пути,
Сквозь лютые вьюги — дойти.
Дорога — на то и дорога,
Тревога — на то и тревога,
Разлука — на то и разлука, —
Чтоб крепче любили друг друга...

* * *

До дома — всего-то немножко...
Но держит кривая дорожка
В чужих развеселых краях.
Прости меня, беглого, мама!..
Отец, говорю тебе прямо:
Вина неоплатна моя.
Пред вами я вечно виновен
И в том, что дразняще огромен
Тот мир, где я жил да тужил,
Что дедовский угол мне тесен;
Виновен, что жив — да невесел,
И долг пред землею забыл.
Дорога. Тревога. Разлука...
И нет вам — ни сына, ни внука,
И горько и страшно стареть,
И жизнь словно лето промчалась,
До снега — неделя осталась,
Знобящий ноябрь на дворе...

* * *

Дымные серые Севера реки.
Осень, рябая заря.
А по починкам — всё избы-калеки.
Почато было, да зря.
Сердцем прислушаюсь: ветер ли свищет,
Птица ли в чаще кричит,
Или душа бесприютная ищет
К дому дорогу в ночи?
В темени мгlistой ни проблеска нету,
Редкие звезды дрожат.
Крикнуть, позвать бы — да голос-то ветром,
Голос относит назад...

* * *

Мы кровь родовую презрели,
Воспели беспамятства дым...
Безродные бродят метели
По русским погостам святым.
И надобно сердца усиле,
Чтоб нынче сквозь мглу разглядеть
Крестов повалившихся крылья,
Что силятся в небо взлететь...

* * *

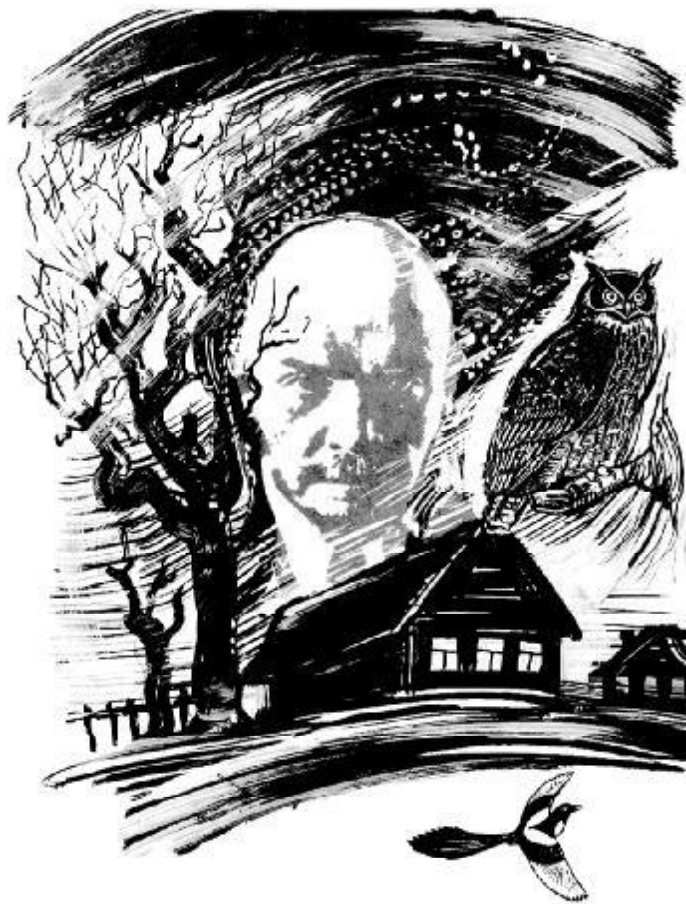
Нет, не раскаюсь до седин
В своих пристрастиях сердечных —
Ржаной округи граждан,
Лесов погубленных заречных,
Унылых пашен и лугов,
Дорог, доселе непроезжих,
Речных державных берегов,
Ядреных слов и сказок вещей...
Над Русью нынче ночь темна,
Под черным солнцем лжи-отравы
Всем верховодит сатана
С толпой прислужников лукавых.
Кругом разруха, и разор,
И пресмыкательства позор,
А мы — на небо ропщем глухо...
Уж осень поздняя старухой
По полю голому бредет
И стужу за руку ведет,
И только озимь зеленеет
За речкой тусклой вдалеке,
Да у пичуги в коготке
Рубин рябины пламенеет...

* * *

И в праздник чувства волком выть охота
От своеволя злого душ глухих,
Когда тугая сытая зевота
Сворачивает скулы у других.
Высоких слов пустая позолота,
Высоких мыслей непростимый грех...
Да что с того, что сердцу петь охота,
Когда надежно заперт слух у всех?!

* * *

На чужой стороне не прожил бы дня,
Грусть-тоску кляня за учение.
А на родине и ворона — родня,
Просто ровня мне по рождению.
А на родине — нынче месяц март!
Голубы снега расстилаются.
Невысок денек, а подвалит фарт —
В небе солнышко кувыркается!..
На чужой стороне не прожил бы дня,
Грусть-тоску допив всю, до донышка,
А на родине и ворона — родня,
Распоследняя, ах, воронушка...

* * *

Желтеет нищенский закат
В метельном поле.
Зазря убитых, говорят,
Не будет боле...
Поставим свечи на земле,
В простой ограде,
За всех удавленных во мгле
Идеи ради...

* * *

Медовым теплым золотом заката
Кропит октябрь последние листья.
И разве только осень виновата,
Что рощи, птичьи гульбища, пусты,
А под ногами — прах родного поля?..
И жар стыда не даст мне глаз поднять:
Да разве можно что-нибудь без боли
В России милой осенью понять!..

* * *

Над Севером России небеса
Недвижные грядущим снегом дышат,
В глухих логах угрюмые леса
Давно уж пеня птичьего не слышат.
Плот осени вмерзает в серый лед,
Рябой снежок нагую землю кроет...
Да, все пройдет... И хлад, и глад — пройдет.
Да только вот все это — жизни стоит.

* * *

Без сволочей вельможных
 в печи родится пламя.
Хоть дороги дровишки сегодня на Руси,
Мы их добудем сами, пусть и бедны лесами,
Ах, Господи всеблагий, помилуй и спаси!
Морозец забирает — заря не зря играет,
Ядреный звонкий воздух
 просквожен серебром,
Но в крепких русских печках
 горит, не умирает
Березовое пламя, воспетое пером...

* * *

Не по нраву времена?
Да, пожалуй, хреноваты...
Небо — в клочьях серой ваты,
Неумытая луна,
Песня пьяная слышна
Под брехливую гармошку...
Пошумят еще немножко,
И — пожалте — тишина...
На', родная сторона,
Ломтик сала, браги кружку,
Одеяло да подушку —
Пей да спи!.. Твоя вина
И была — да прощена:
За кровавый серп и молот,
За войну, а после — голод...
И за наши времена —
Прощена твоя вина.

* * *

Никола, озябла гитара,
Сыграй, коль прощаться пора,
Ту песню, что жить помогала
Надежнее, чем доктора!..
Давай горевую, бродяжью
Начни, и, хоть голоса нет,
Тебе подпою я протяжно,
Как требует данный момент.
Аккорды все глуше и глуше,
Басовая плачет струна.
Помянем пропащую душу
Бродяги. Мою, шатуна...
Пора. Уже пламенем красным
Рассвет полыхнул за окном.
Подыдем стаканы с напрасным,
Тяжелым и горьким, вином —
За эти горячие горы,
За годы в чаду и огне,
За город в пустыне, который
Я завтра увижу во сне...

* * *

Нет чувства выше, чем тоска
По родине своей.
Кто приходил издалека,
Тот знает цену ей.
Что там, на родине, сейчас?
Ручьи окрест кричат,
И сумасшедше пахнет наст
В апреле по ночам,
Там воздух помнит голос мой,
Там — мать, отец, — народ,
Который, что ни пой, — поймет!
А не поймет... Не пой.

* * *

Поздно: учиться «петь-танцевать»,
Шаркать подошвой по жаркому кругу.
Стыдно: поклоны впрок раздавать,
Пылко влюбляться в столичную вьюгу,
Верить пожатью казенной руки,
Честью платить за натужную милость.
Время: свои подытожить долги,
Благо достаточно их накопилось.
Время: припомнить былые грехи,
Чтоб понапрасну душа не гордилась.
Время: вчитаться в чужие стихи,
Чтоб от своих голова не кружилась.
Время: последнюю выгрести медь,
Но до копейки за все расплатиться,
И до рассвета успеть умереть,
Чтоб на рассвете свободным родиться.

* * *

Сумасшедший вокзал Ярославский.
Тетки с сумками валятся навзничь.
В толчее, в человеческой пустыне
Горлом плачет мужчина о сыне.

Губы серые шепчут: «Сергеа...
Бог-то где?..»

Только нет его, бога.

Нету бога.

И нет ее, веры.

На перроне галдят пионеры.

На перроне — народ балаганит,
Злой носильщик толкучку таранит,
И среди человеческой пустыни:
Плач о сыне, о сыне, о сыне...

ПАМЯТИ ОЛЕГА КУВАЕВА

Территория близкой души
За картонной обложкой хранится.
Не спеши, говорю, не спеши, —
Задержись и над этой страницей.
Слышишь? Дышат слова под рукой
Света чище, доверчивей хлеба.
Видишь — плоское, низкое небо
Наклонилось над желтой рекой.
Разгляди между строк, на бумаге
Ровной, чистой, как снег в декабре,
Крик весенних гусей на заре,
Растревоживший душу бродяге...
Не спеши, говорю, не спеши,
И поймешь, осененный слезою, —
Кто-то должен курлыкать в глуши,
Чтобы мир устоял под грозою.
Не спеши, говорю, не спеши,
Дай доверию к сердцу пробиться.
Сокровенное чудо души
За обычной обложкой хранится.

* * *

Хоть подл закон, а впору веку!
В нем зла нагое естество:
«Чем ближе сердцем к человеку,
Тем дальше сердцем от него...»
Как будто бы за некой гранью
Мертвящей бездны глухота;
На расстоянии дыханья —
Одна немая пустота,
Одна лишь странная отрада —
Ознобшим сердцем понимать,
Что ничего уже не надо
Из жадной грязи поднимать,
Что слов — чистейших самых! — светом
Не пробудить в другой душе
Не то что прежнего ответа,
Простого отзвука уже...

* * *

Одурев от житейской мороки,
Хмель остатний в стакане вскружу
И кладбищенской сытой сороке
Про последние сроки скажу.
Бражка-жизнь отходила, и впору,
Комья глины лаская в горсти,
По кладбищенскому косогору,
Примираясь, повинно пройти.

* * *

В канун поминальной субботы
Чуть жив воскурился снежок.
Темнело... У дальней заплоты
Вороны сбивались в кружок.
И тихо заря догорала
В туманных осенних полях,
Как будто земля поминала
Всех-всех, кто ушел второпях...

* * *

Эта старая-старая книга,
Эта, с виду, обыденность мига
Превращения сердца в струну,
Что взрывает души тишину.
Эта властно влекущая тайна,
Что откроется, словно случайно,
Будто ночью неожиданный рассвет
Вдруг исторгнет пронзительный свет,
И глазам, полным дымной слезою,
Мир предстанет, как лес пред грозой,
Лес, в котором чутка и чиста
Есть душа у любого листа,
У покорной травинки простой,
У былинки невзрачной, пустой...

* * *

Сердце песней не грею,
Петь-гулять не велю.
Чтобы было теплее,
Печь стихами кормлю.
То-то пламя пылает,
То-то плачется мне:
Вся-то радость былая —
В суетливом огне.
Ах, как корчатся строчки
Прежних песен моих!
Прогорают листочки,
Как и не было их...

* * *

На потребу душе человеческой,
Чуда ждущей — зима-то долга! —
Наливаются синью под вечер,
Оседают глухие снега,
И по этим снегам неоглядным —
Эх, из-за' моря жизни, из тьмы! —
Нынче юность вернулась обратно,
Потому-то и молоды мы...

* * *

А припомнилось что? Подорожник
В сероватой пыли да репей...
Да еще — горлопан и безбожник! —
Во всю лунную ночь — соловей...
Да в блаженную пору рассвета —
Горький запах примятой травы...
Да еще, что в далекое лето
Так любили беспмятно Вы...

* * *

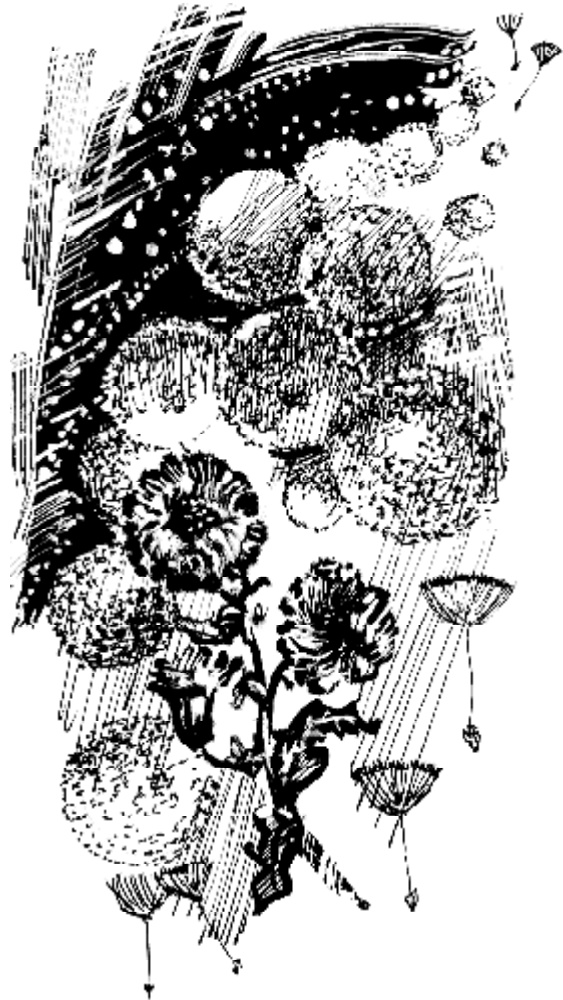
Под закатной киноварью жаркою,
За морозной рамой января
Снегири, форся одеждой яркою,
Плавают, малиново горя.
Этим светом теплым душу высветлю,
Загляну в любимые глаза
И хотя б одну улыбку вызволю,
Пусть пока покопится слеза.
Пусть, пока погода переменчива,
Что не раз случалось на веку,
Милосердно маленькая женщина
Голову морочит дураку...

* * *

Помню: душу томило,
Да прошло с давних пор, —
То ли ночь подступила,
Погасила костер,
То ли сытость смутила,
Но гляжу как во тьму:
Что там, в прошлом, гневало,
Сердце жгло почему?
Что же было со мною
Жизнь, наверно, назад?
Перед прошлой виною
Весь как есть виноват...

* * *

Ничего в ней нету, кроме
Развеселой стужи глаз.
Прятать уголья в соломе
Не положено как раз.
Ничего в ней, в общем, нету,
Это видно за версту,
Кроме жадной тяги к свету,
Неприметной на свету.
Свищет птаха в теплой кроне,
Встань хоть рядом — не видна!
Ничего в ней нету, кроме
Одного: что есть она!..

* * *

Странных снов — обманных, зыбких —
Вся-то ночь полна!..
Что за звук из хлипкой скрипки
Тянет сатана?
Чьих желаний отраженье —
Этот сон и бред,
Где блаженство и мученье,
А развязки нет?
Околдован властью звука,
Весь горю в огне...
Может, будущая мука
Нынче снится мне?..

* * *

Старыми письмами печку топлю
(Совесть хранить не велит),
Досыта синее пламя кормлю
(Только пожар невелик).
Знать, и бумага истлела вконец
(Пепел черней воронья),
И ничего в этих строчках и нет
(Кроме пустого вранья).
Этими жаркими прежде «люблю»
(Верил которым, дурак)
Нынче весь вечер печку топлю,
Все не согреюсь никак...

* * *

Сколь дивна зима на изломе,
Как благостна снежная гладь!
Темнеет... И в стареньком доме
Топлю свою печку опять.
Под пологом мартовской хмари,
Где угли зари горячи,
Хмельные, в любовном угаре
На гнездах горланят грачи.
Ах, есть во мне певчая сила!
И радость взметнула б крыла,
Когда б ты — пускай не любила,
А просто, жалея, ждала...

* * *

Фотокарточка-карточка,
Усмешечка дрожит...
Собрана моя котомочка,
На лавочке лежит.
Что-то рано разневестилась
Разлучница-заря,
Что-то во поле невесело
На склоне октября.
Колокольчики забрякали,
Не прячь, зазноба, глаз,
Что вчера от счастья плакали,
А уж нынче — в самый раз...

* * *

На полслова, бестолково
Напроситься был бы рад,
Да занятье дураково:
Рвать зеленый виноград.
Промолчу. Скручу кручину,
Хоть под светом милых глаз
Нелегко сыскать причину
Для веселия сейчас.
Не держу на Вас обиды,
Одного себя браню:
Не берут мои флюиды
Вашей кофточки броню...

* * *

Пустое все... Сварю покрепче чай,
Табак — сухой, а зимний вечер — долог.
Поближе к печке уложу печаль —
Озябла, чай! — и занавешу полог, —
Спи, милая! Надежен старый кров.
Заветный том, припрятанный до срока,
Раскрою вдруг — и жарко прянет кровь!
Веду себя на дивный праздник Блока.
Вино свиданья пью. Глотаю вновь
Знакомых слов внезапную отраву
И целый мир наследую по праву...
И смерть — на миг, и навсегда — любовь.

* * *

Ни беднее я не стал, ни богаче.
Много ль надо дураку-соловью?..
Ты надеялась, что горько заплачу?
Черта с два! Я только звонче пою!
Я печаль-тоску развею по ветру,
По веселой, разудалой волне.
Ты скользила все по верху, по верху,
А песчинки-золотинки — на дне!
Наше — с нами. Быть не может иначе.
Много ль надо дураку-соловью?..
Без тебя я так поверил в удачу —
Даже песни задушевней пою!

* * *

Ах, как молодо солнце смеется!
Чистым холодом пышут снега.
Снова свет вольной лавою льется
У бескрайнего дня в берегах.
Счастью — самое время начаться!
Видишь, в тусклые стекла окон
Расписные синицы стучатся:
«Что-то долго душа под замком!»
Дай мне руку — на радость и муку,
Чтоб последние даже деньки
Я не помнил про злую разлуку
Да чтоб в линиях чистых руки
Видел только счастливые метки,
Чтоб надеяться, верить и ждать,
Словно смуглой березовой ветке,
Той, что тянется к солнцу опять.

* * *

Деревенские подружки
Городские платья шьют,
А сердечные частушки
Позабыли, не поют.
Раньше — пели...

Так умели

Дать «страдания» свои,
Что от зависти немели
Все в округе соловьи!
«По деревне идетё,
Играетё да поетё!
Мое сердце разрываетё
И спать не даетё...»
Тут ни слова не добавить,
Ни полслова не отнять...
Перестали девки баять,
Стали дролям изменять,
Стали песни городские,
Небаские распевать.
Стало не с кем по России
Каблуки поразбивать:
«У матани под окошком
Палисадник голубой...»
«Я давно с тобой не плясывал,
Товарищ дорогой...»
«Раскачу катушку ниток
Да спою в последней раз...»
Хорошо, хоть соловьи-то
Необидчивы у нас...

* * *

Отклубил метелей дым,
Небосвод заласкан сказкой,
Заткан шелком голубым
Дивной выделки декабрьской.
Нынче небо — свет в судьбе,
Только утро разгорится —
Уж поет в моей избе
Тихой радости синица.
Да и что бы ей не петь,
Если печка подпеваает,
Если молодо глядеть
И жена не забывает,
И покладиста зима,
И светло смеется дочка,
И чиста вся жизнь сама
До последнего листочка...

* * *

Удачи давние не в счет,
Но муки памяти так ясны,
И лица дальние — прекрасны
И не придуманы ни в чем.
Не в тягость — помнить о былом
И просто верить, сладко верить,
Что где-то есть на свете двери
И ждут, как раньше, в доме том,
Где ты в согласье жил с мечтой,
Где молод был, и время ныне
Благодарить — за все!.. За то,
Чего и не было в помине.

* * *

Клятвы и слезы — все позабыла...
В городе людном, глаз не тая,
Птицею пела — вот как любила! —
Да улетела в чужие края...
Ладно, построю дом над рекою,
Из лесу птицы слетятся к жилью.
Окна раскрою, душу открою
Птице-синице, дрозду, соловью.
Солнце на листья бросит монисто,
Травы зернисто росы прольют,
Ладным да чистым щебетом-свистом
Вдруг да и вылечат душу мою.

* * *

Еще беспечная вода —
В зеленых берегах,
Еще не скоро холода
Задушат пережат,
И ненавязчиво тепло,
И мягок солнца свет,
И словно в дымное стекло
Сквозной простор одет,
И желтым ворохом листва —
С раскидистых берез,
И все, что сказаны, слова —
Как будто не всерьез...
Еще клубится пыль дорог
Завесой по полям,
И лета нашего итог
Еще не ясен нам...

* * *

Письмо... Издалека.
Из прошлого. Там, где-то,
Осталось солнце, лето
Да долгая река.
И хлынула — хмельна,
Вольна — волна печали.
Нехитрыми ключами
Душа отворена...

* * *

Перелесков осенних шелка...
Да с таким переплеском расцветок,
Что невольно крадется рука
Тронуть ветку — не сказка ли это?
То ли явь, то ли сон золотой —
Соты солнышка в мареве зыбком.
С деревенских небес молодой
Смотрит месяц с простецкой улыбкой...
Вековая равнинная грусть!
Я с рожденья отравлен тобою.
Запевая, бывает, зайдусь
Над ямщицкой судьбиной слезою...
Где раздолье — там воля ветрам.
В чистом поле — нечистое бродит.
Светлый храм и беспамятный срам
Уживаются в божьем народе.
А казалось бы, доля легка
Для того, кто небесное чует,
И сквозных перелесков шелка
Нежат сердце и душу врачуют.

* * *

Запад знобящим сеет дождем.
Верить устанем.
Грусти старинные свечи зажжем,
Лето помянем.
В тонких незвонких стаканах вино
Смешано с болью.
Горькой любовью пахнет оно,
Горькой любовью.
Где ж ты была, дорогая моя,
В годы другие?
Кто их придумал — эти края,
Злые, чужие?
Эти дороги — на сто разлук
Выпадет встреча...
Что же ты рвешься птицей из рук,
Крылья калеча?
В омут горячий шагнем — пропадем,
Ночью очнемся.
В разные жизни уйдем под дождем,
Не обернемся...

* * *

Что не жить на свете белом!
Света переплеск.
Весь испятнан свежим мелом
Придорожный лес, —
Там, под кровом рослых елок,
Высветы берез,
Словно кто под темный полог
Нынче свечи внес.
Словно верной мерой мерил
Долю света-тьмы,
Словно крепкой верой верил,
Что поймем и мы...

* * *

Бродяге, брат, жениться недосуг.
И суть не в том: счастливо — не счастливо...
Но вот одно паршиво, милый друг:
Без сына сиротливо.

Сиротливо...

Ведь вся печаль, вся радость — одному.
Не дай мне бог назавтра оступиться,
Тогда и в самых скудных снах ему,
Паршивцу моему, не появиться.

* * *

Вся земля для того и жила
И жена моя корчилась в стоне,
Чтобы звездочка-дочка взошла
На отлогом моем небосклоне.
Хорошо просияла судьба,
Ночь прорезала всполохом жарким.
Был вчера еще я — голытьба,
А сегодня — с таким вот подарком!..

* * *

Так славно скользила улыбка
По линиям милым лица,
Так неуловимо, так зыбко,
Что мнилось — не будет конца,
И верилось свято: покуда
Тот свет колдовской не погас,
Всего-то полшага до чуда,
Коротких полшага у нас...

* * *

Тихое слово. Свет и покой,
Как на причастье.
Дочкины слезы вытру рукой —
Вот вам и счастье.
В век сумасбродства и вьедливой лжи,
Страха и крови
Есть ли надежнее что-то — скажи! —
Детской любви?

* * *

«Доченька!» — и вымолвить не смею:
До чего же место-то мало.
Ты вздохнешь... а я уразумею:
Так ли еще будет тяжело...
Но о чем ты, милая, о чем ты?
В сутеми осенней угляди:
Так лучится радостью девчонка,
Что редуют серые дожди.
Видит Бог, светлеет за окошком,
И о чем нам нынче горевать, —
Подрастает солнышко немножко
И тебя любимой будет звать.

* * *

Печь топлю. Простое дело,
А все требует души!
Тут ведь как: чтоб печка пела,
Чиркать спичкой не спеши,
Перво-наперво, с поклоном
Надо к печи подойти,
Сажу жирную с заслонок
Мягким веничком смести,
Нащипать тугой лучины,
Уложить дрова — смолье,
И пойдя сыщи кручину,
Чтоб огонь не взял ее!
Печь — поет... Добром да ладом
Дарит дом, а в холода
Что еще от жизни надо
Нам в нестарые года?

* * *

Чем порадуя милую ранней весной?
Небогат обиход мой простой.
Не сочтет же она золотою казною
Одуванчиков сор золотой...
Чем утешу хорошую осенью поздней,
Когда мучит безверия бес,
Когда заткана зябкою роздымью
звездной
Неприютная бездна небес?
Знать бы слово заветное — летнее, светлое, —
Чтоб дарило теплом в холода,
Чтобы солнышком время встречало
рассветное,
А постылым дождем — никогда...

* * *

Вот и дожили мы до тепла!..
В два крыла жизни вешняя сила
Над избою рассвет вознесла
И потемки мои осветила.
Стервенеет душа от нужды,
От беды, от насады и мрака,
От житейской слепой ерунды,
От расчетливой правды барака...
Но приходят и в наши леса,
В нашу глушь, позабытую Богом,
Долгожданной весны голоса,
И надежда-звезда над порогом...

* * *

На кухоньке тесной, где бесятся мухи,
Где шустр тараканий сухой шепоток,
Где сальные стены, где шорохи глухи,
Где вдрызг чугунами заезжен шесток, —
Какие — вы б знали! — мне грезились дали,
Как остро еще неокрепшей душой
Я чуял весь холод вселенской печали,
Что впрок заготовил мне мир ваш большой!..
Но угли в печи ворожили удачу,
Малиновым жаром манили мальчика,
А то, что в итоге все вышло иначе, —
На то, значит, воля Творца...

* * *

Обрызгает солнце траву,
Вполнеба проявится просинь,
И выпалит птаха: «Чи-ву!»
Жи-ви... Разве кто-нибудь против?
Я сам, брат, живу — весь в долгу,
Почти что по птичьему праву...
А небо — мне тоже по нраву!
Вот только взлететь не могу.
Бывает порой: запою!..
Но чаще, косясь на дорогу,
Молчу да таблетки клюю,
С которых — ни песен, ни проку...

* * *

Откружила черемух вьюга,
Отцвели соловьиные звоны,
Расклевали росы жемчуга
То ли горлицы, то ли вороны.
Бродят грозы — по коже мороз,
В черных тучах — сверканья и громы,
И, пожалуй, резонен вопрос:
Устоят ли родные «хоромы»?
Шибко наша изба худа,
Зыбка крыша и стены дырявы.
С ревом рушится с неба вода,
А на Небо, брат, нету управы...

* * *

Молоко твоих рек, гражданин коростель,
Когда ночь подбирает крыла,
Розовеет с того, что брусничный кисель
По угорам заря разлила.
По приречным лугам в государстве твоём —
Изумрудные травы в росе,
И такой тишиной опоен окоём,
Что не помнятся горести — все.
Так зовуще высок небосвод голубой,
Что примолкла тревоги труба,
И завидною кажется наша с тобой
В это раннее утро судьба...

* * *

Дождем истерзанной сиренью
Лечить недуг сердечный свой
Под неподверженной старенью
Небес июньских синевой.
Слепые струи дождевые
Крушили час тому назад
Кусты лилово-голубые —
Хмельной цветущий водопад.
И сладко видеть — без укора! —
Развал кустов, притихший сад
И всех в округе — без разбора! —
В полон берущий аромат.

* * *

В глухом, тихохрустном овраге,
Где властвует волглая мгла,
Давно уж в разбойной отваге
Не пела — не смела! — пила.
Здесь все не по-нашему честно —
Согласье ветвей и корней;
Бессолнечно, сыро и тесно,
Да, видно, родного родней.
Птенец на древесной ключице
Лопочет о чем-то своем...
И нам ли рассудком кичиться
Пред этим извечным бытьем?..

* * *

Под первым вымокнуть дождем,
Ему порадуясь знакомо,
Войти в старинный этот дом
И вновь почувствовать, что — дома,
Где не был столько долгих лет,
Но где тебя забудут разве?..
Как осторожно желтый свет
По старым серым стенам разлит.
И лица, виденные раз,
Так по-приятельски обычны,
Так по-семейному привычны
И так прекрасны без прикрас!..
Под первым вымокнуть дождем,
Ему порадуясь знакомо,
Войти в старинный этот дом
И знать, что — дома... дома... дома!..

* * *

Невидна земля, пустовата.
Умолкла заря, догорев.
Тумана проволглая вата
Дымится на сучьях дерев...
Да, в стужу мечталось другое,
Иною нам снилась весна...
А нынче... Унылым покоем
Полна вечеров тишина.
Вот только беспутная птаха
За ельником хмурым в логу
Кричит среди срама и праха...
О чем ты? Понять не могу.
О том ли, что, сердцем невежды,
Витии хмельного стола,
Мы все проболтали надежды
До самой последней, дотла...

* * *

Ах, тоска моя, тоска!..
Пальцы жжет чинарик.
Посредь ночи у виска
Зазудит комарик.
С ним столкнемся едва ль —
Стон засел в печенках, —
А ведь тоже — божья тварь,
Голосит — о чем-то!..

* * *

Бродит по небу ворона
Над землей, где срам и смрад,
Где победные знамена
На помойках все лежат.
Пьет народ, устав от бредней,
От воря и от властей,
И с надеждою последней
Ждет последних новостей....

* * *

Во дворе госпитальном,
 где царствуют липы
В предосенней прощальной красе,
Удержи свои жалкие жалобы-всхлипы,
Позабудь свои горести. Все.
Сядет рядом сестричка моя золотая
На скамейку — короткую... Эх!..
Бог ты мой, до чего же она молодая —
Даже в шутку завидовать грех!..
Улыбнется она, и от этой улыбки
Мне и вовсе спасения нет
Во дворе госпитальном, где тянутся липы
Уходящему солнцу вослед.

* * *

Птица ночная, дуреха,
Что ты грохочешь во тьме?
Кто тебя выучил, кроха,
Душу корежить во мне?
Кто тебя из лесу выслал,
Сна и покоя лишил,
Полные странного смысла
Страстные песни внушил?
Нужно кому, чтоб, стеная,
Требую, плача, моля,
Пела ты, птица ночная,
Бедная гостья моя?

* * *

Не к добру, брат, шумят тополя,
Словно чуют они непогоду.
Видишь, тучи несут на поля
Ледяную осеннюю воду.
Сыплет дождь — воробьиный горох,
Да клевать-то охотников нету.
Сквозь тоскливую тьму, видит Бог,
Ни за что не пробиться рассвету.
Дай хоть пламя изладим в печи
И с таким собеседником славным
По закону любви помолчим,
Как ведется, — о самом о главном...

* * *

Зелень скудная рассвета,
Холод серых рек.
На ладонях зябких ветра —
Капли света, снег.
Редко-редко синью яркой
Брызнет из-за туч,
И покажется подарком
Хладный солнца луч.
Все по времени, по сроку,
И добро бы знать,
Что и эту-то мороку
Будем вспоминать...

* * *

Ласточка ходит высоко,
Клонится на вираже.
Пусто, темно, одиноко,
Холодно нынче в душе.
Даром ли в воздухе мгlistом
Луч предвечерний погас?
Скоро в России пречистый
Яблочный благостный Спас,
Скоро короткое лето,
Как уголек, отгорит...
Только ведь, брат, не об этом
Сердце ночами болит.
Знать бы, какая судьбина
Край мой поруганный ждет,
Верить бы — глупо! — что сына
Осень в мой дом приведет...

* * *

Туманны небеса исхода октября.
Венчальная заря в размытой дымке тает,
Темнеет, и душе, по чести говоря,
Сейчас не тишины —

тревоги не хватает.

На сером полотне невнятна веток вязь,
Ослепший замер лес, почуяв близость снега...
Разъезженных дорог ухватистая грязь,
Пустая коновязь и мертвая телега.
Неловкую любовь под сердцем затаю,
У жизни на краю упьюсь сладчайшим дымом.
А сбудется, Бог даст, и песню допою
Заветную свою — о Севере любимом...

* * *

Первый снег — разлуки вестник, —
Сея свет во тьме,
Тихой песней поднебесья
Ладит боль во мне,
Жар сердечный давний студит,
Чтобы понял я:
Ничего уже не будет,
Милая моя,
Ни полслова на прощанье...
Да и то сказать:
Долго ль счастья поминаньем
Душу истязать?..

* * *

Там, где рыжий, вонючий, крысиный
По болоту расползся бурьян,
Там, где елка с красивой осиною
Спят, по грудь забежавши в туман, —
Там мой дом, долг сыновний мой, кровный,
Жизни свет и душевный простор...
У конюшни разграбленной дровни,
Догнивая, лежат с давних пор.
Прямо в небо уперлись оглобли,
Что повиты крапивным кустом...
Знать, давно наши души оглохли,
Коль и сами не помнят о том...
Что ж ты, брат, не печалишься, милый,
Или знаешь секрет мировой?
И тебе наплевать, что могилы
Зарастают пустою травой?

* * *

Рябой хрусталь ручья лесного.
Денек осенний — прям и сух.
У перелеска у сквозного,
Скажи, с чего захватит дух?
С того, что воздух воли горек,
Что пуст и низок окоем,
Что одиноко на угоре
Рябина рдеет над жнивьем?..
Когда бы знать душа умела
Язык родных полей вполне,
Пришлось бы разве то и дело
Взывать к безгласой тишине?..

* * *

Только птахи повыхлещут свистом
Беспечального утра покой,
Наше солнышко боком лучистым
Дивной рыбой всплывет над рекой.
Исполать вам, пресветлые воды,
Тихий плес и раздумчивый бор,
И тебе — прародитель свободы, —
Милый русскому сердцу простор!
Тут бы жить, о пустом не тревожась,
Ладить мир да согласие в дому,
Но уж век скоро бедная волость —
Вся держава! — в угарном дыму.
Всё чужие нам пишут законы,
Всё лихие наследуют власть...
И какие изыщут препоны,
Чтобы нам не подняться, пропасть?..

* * *

Дай-ка руки, тетка-елка!
День студёный — на закат...
Глянь, на глянцевых иголках
Угли красные горят.
Дай-ка лапы, — иней солью
Осыпает сон травы,
И березы гольной голью
Стынут в прожелти листвы.
День ли, два ли до сугробов, —
Вон как озимь зелена...
Говорят, моя зазноба...
Эх, да только ли она?!
У судьбы не меду просим —
Честь да веру убережь.
Да тепла еще... Но — осень!..
О тепле ли нынче речь...

* * *

Зябко... Зеленого чаю
Сварим и меду найдем, —
Большого мы и не чаем,
Лучшего мы и не ждем.
Лад в нашей комнатке светлой,
Печь наша греет избу.
Века ознобного ветры
Выстудят разве судьбу?
Вьюга в окошко стучится,
Видно, озябла сама.
Спи, ничего не случится.
Это — Россия. Зима.

* * *

Тощий серпик над снежным простором,
В черной проруби зреет вода,
И укором страстям и разорам
Над угором сияет звезда!
Скоро-скоро заря заиграет,
Поднебесье займется огнем,
И в церквах по родимому краю
Чистым сердцем заплачут о Нем,
И высоко-высоко-высоко
Вслед за солнцем душа воспарит,
И житейская злая морока
В чудном пламени сгинет, сгорит...

* * *

Этот серенький день над дорогой,
И лежалых снегов жемчуга,
И любовь вперемешку с тревогой,
Верстовая глухая тоска...
Нет, не знаю... и кто растолкует,
Отчего же, брат, в русской крови:
Без дороги — и сердце тоскует,
На дороге — горит от любви...

* * *

Дровни словно нарочно убоги,
Лошаденка трусит сквозь метель.
Пропотели, осклизли дороги,
Будто впрямь — не январь, а апрель.
По холщовой ознобшей равнине,
Где спесивые свищут ветра,
Пролегает дороженька ныне.
О такой ли мечталось вчера?
Эх, да мало ли что там приснилось!..
Не томит больше скорости зуд.
Потому и считаю за милость,
Что хоть эти-то сани везут.

* * *

Когда в снегу заледенелом
Угрюмый бор уныло спит,
Когда поземка в поле белом,
Змеясь, лениво шелестит,
Когда, румянясь от мороза,
Неспешно солнышко встает, —
Винюсь: унылой жизни проза
Никак на скучный ум нейдет.
Такая свежесть без обмана,
Такая ясность, чистота,
Что даже слово — окаянно! —
Боится белого листа.

* * *

Холода... Даже звезды повымерзли.
Ни огня в деревушке пустой.
И собаки последние вымерли
Здесь, за этой забытой верстой.
За оградой — береза продрогшая
Да журавль ледяной на ветру, —
Вот и все. Только лошадь ознобшая
Все равно норовит — ко двору...

* * *

Поздно в России в февральскую пору светает.
Ластится льстиво поземка к продрогшему полю.
Прямо на сердце мне сеется серый снежок
и не тает.
Видно, и нет в этом сердце
ни жара любви и ни лютоści боли.
Только и радости — светом пахнет с поднебесья.
Дымную прорубь горячее солнце окатит,
Чтобы, как в младости давней, уверился весь я:
Все еще будет, на все еще времени хватит.

* * *

Что пророчите, пророки
Упоения, в дыму?
Злобной памяти уроки
Повторяете к чему?
Обличенья — злее серы,
Сердце — в мстительном огне...
Неужели властью веры
Вы оправданы вполне?..

Лета нашего итог _____

* * *

Когда впотьмах, в толпе, в метельной мгле
О светлый взгляд
 запнусь вдруг сердцем — верю,
Что по российской горестной земле
Бродить недолго алчущему зверю.
Неслышим ход подземных темных вод,
Но час придет — земная твердь запляшет,
И без раздумья вышвырнет народ
Все лицемерье гнусной жизни нашей.

_____ *Леонид ПОПОВ*

* * *

Под барабанный бой вранья —
Какие песни, брат!
В наряде грязного рванья
Не ходят на парад.
Хотя и рубище певцу
К лицу, не худо б знать:
По-русски это — встречь свинцу
В рубахе чистой встать...

* * *

Посерели, пожухли сирени.
Вот и лето вступило в права.
В злую землю вонзая коренья,
Поднялась молодая трава.
Беден край мой, державой забытый,
Где под гнетом вседневных забот
По соседству с надеждой убитой
Проживает российский народ,
Где — к стенам политиков глухи,
Вечно в черном, как в пору годин, —
С первым утренним светом старухи
За буханкой бредут в магазин.

* * *

Все тяжелее, все темнее тени
На подсиненном крупчатом снегу.
Отпраздновав денек первовесенний,
С надеждой не расстанусь, не смогу.
По северным немеренным равнинам
Уже тепла чуть внятнень слышен ток,
И в тесной почке, в вязкой клейковине,
Чуть шевельнулся первенец-листок...

* * *

На исходе весеннего дня
Понимаю под стынущим небом:
Не теплом, не любовью, не хлебом —
Болью жизнь обделила меня.

Ни золы дорогой, ни слезы,
Ни прощанья протяжного, знобкого,
И не то что приличной грозы —
Даже дождичка самого робкого...

Ночь сжимает в клубок горизонт,
Небо рядится в звездную роздымь...
В жизни самое важное — просто,
Но — весомо, и в этом резон:

Только сильный дойдет до конца,
Только верный и вынесет муки,
Только честный не спрячет лица
От свинца, от любви, от разлуки.

* * *

После дождей — небеса высоки,
Благостен сладкий покой,
Так что, пожалуй, грозить не с руки
Небу гневливой рукой.
Все полонила ленивая тишь,
Воздух осел и обмяк.
Может, и капли бросаются с крыш,
Только чтоб звук не иссяк,
Только чтоб плен немоты преступить?
Что мы без голоса, брат!
Так что давай во весь дух говорить
Все, что сердца говорят...

* * *

Пускай в лесу темно, и сроки
Брести домой, хандра пройдет,
Когда в логу, в сырой осоке
Ручей названивать начнет.
Еще мерцают крохи света
Под пологом еловых лап,
Но теплый хлебный запах лета
Уже и холоден и слаб.
Бесстрастно времени течение
И повторенья не сулит.
И лишь ручья ребячье пенье
Недеждой сердце веселит.

* * *

Этот зверь о четыре копыта,
Что атласною кожей облит,
Что студеной водой из корыта
Жажду нежит и оком косит, —
Как он бережно гриву проносит
Там, где берегом — рыжий песок!
А за ласку чего он попросит?
Хлеба черного с солью кусок?..
Невеликая дань за отраду,
За веселье, что сердце зажжет!
Выводи ж ты его за ограду,
Чтоб от зависти охнул народ!..

* * *

Как во сне постылом жить,
Да однажды вдруг — проснуться:
Видеть, слышать... говорить...
Губ губительных коснуться...
Хоть вранья хватило тут,
Хоть играла — не любила,
Счастья несколько минут
Ненароком подарила...
Захлестнет волною злость,
Но скажу в ответ на милость:
«Не надейся, все сбылось,
Все, что велено, случилось...»

* * *

Ах, что я, Господи, — зима!
Снега младенчески румяны,
Январь... Старинный день Татьяны,
Ваш день. Вы помните ль сама?
Ведь это Вам по вечерам
Метели пели, как умели,
Под звуки скрипки и свирели,
И снегопад — тишайший! — Вам.
Да что слова? Простая медь,
Когда пришлось, коль праздник ныне,
Под ноги Вам самой зиме
Снегами лечь — с ее гордыней...

* * *

Эта музыка...

Скажут: «Чужая!»
Отчего же, ответьте, она,
Ткань души в кипяток погружая,
Каждой клеточке малой слышна?

Эта речь...

Но одернут: «Чужая».
Почему же при звуках ее,
Узнаваньем меня поражая,
Память дивное длит забытье?

«Ну а голос-то, голос?» — спрошу я,
Здесь, в чужом (подтвердите!) краю,
Неподдельно звенит, торжествуя,
Боль врачуя — чужую?

Мою!..

* * *

Помер, пропал для вселенной
Кот по прозванию Цыган,
Черен необыкновенно
Был этот кот-хулиган.
Неподражаемо гибок
Был сей изящный нахал!
Ну а лукавых улыбок
Тысячу — точно! — он знал.
Что-то в судьбе не сложилось...
Впрочем, какая судьба...
Мог ли он думать, что милость
В мире бывает слаба...

* * *

Брожу весь день, как окаянный,
Веду унылый с сердцем спор.
Рассыпан по лугу стеклянный
Дождинок тусклых мелкий сор.
Но только солнца луч, играя,
Блеснет, и вот он — дивный вид:
Вся в дымном жемчуге, сырая,
Трава живым ковром лежит...
Вот так и ты — мечтою дразнишь,
Играешь самым дорогим,
Но будет миг — и сладкий праздник
Всё светом высветит таким...

* * *

Я сумрачный, злой, непохожий
На многих, и, хмурому, мне
Цвет севера серый дороже
Всех радуг в чужой стороне,
Всех красок изнеженных юга,
Где, кажется, только вчера
Нашли мы случайно друг друга,
Да вот — расставаться пора.
Мой след заметают метели.
Прощай. Не печалься. Забудь.
Понурые хмурые ели
Завалены снегом по грудь...

* * *

Утром зябким, утром ранним,
С сонным шорохом листвы
По угору бродим с Таней,
Скромно рыжички цыганим
У заиндевшей травы.
Что за сладкая отрава
Тропку в ельничке тропить —
Тихо-тихо, влево-вправо,
Чтоб, не дай Бог, не ступить
На оранжевый с изнанки,
Духовитый — спасу нет! —
Гриб-грибок, что спозаранку,
После полночи, чуть свет
Нас с постели жаркой поднял,
За семь верст к себе завлек...
Что-то в воздухе сегодня:
То ли — брага, то ли — сок,
То ли — сила яровая...
Есть же, что ни говори!
Солнце рдяным караваем
Зреет в угольях зари...

* * *

Зарницами ночь разворована,
В руке моей — Ваша рука,
И горло мне душит суровая,
Моя молодая тоска.
Не чаял такого подарка я
В своей непутевой судьбе!..
Какое же белое — маркое —
Вы выбрали платье себе!

* * *

Машу себе мотыгой
Взамен обеда я.
Душевнейшее иго —
Картошечка моя.
Крутым полита потом
Она, моя душа.
Зато уж сварись... Что ты!
Без соли хороша.
Покуда съезд решает,
Как прокормить меня,
Картошка воскрешает
Семью день ото дня.
И главное, замечу:
Без пленумов и ссуд
Швырнешь мешок за плечи
И знаешь, хлеб твой — тут.

* * *

Вот затопим красавицу печь,
И бересты корявая речь,
И поленьев тяжелые вздохи —
Об одном: велики холода!
Всем — гореть, а иначе беда,
А иначе дела наши плохи.
В каждой спичке — крупинка огня:
Для тебя, для других, для меня...
Даже в этом унылом полене
Под тугими колечками лет
Спит до срока спеленутый свет,
В нем дыханье былых поколений...
Вот сейчас разгорятся дрова,
Шубы снять — и к столу, но сперва
Сядем ближе к огню молодому,
Да подумаем, всяк — о своем,
Да вполголоса песню споем,
Чтоб теплей стало дому родному...

* * *

Литого, золотого
Лимона шар подам.
«Не жалко прожитого...»
Да кто ж поверит Вам?
Ну кто поверит в это
Под сводами зимы,
Что сочных радуг лета
Уже не жаждем мы?
Что ничего от жизни
Давным-давно не ждем?..
Однажды солнце брызнет,
Теплом окатит дом,
Прольется синь сквозная
На все что есть подряд.
А жизнь — всю играет,
Да как играет, брат!..

ФЕВРАЛЬСКАЯ СИНИЦА

Любезная птица-синица!
С чего вдруг поется-свистится
Тебе этим зимним деньком —
Слепым, да промозглым, да сонным,
Туманным теплом опоенным,
Хрустящим луженым ледком?
Ответь.

Но без умолку птица
Звенит!

И гляди-ка: дымится
В прорехе среди туч полынья.
И свет закипает и льется,
И юное солнце — смеется!..
Спасибо, певунья моя,
За песню, привычную слуху,
Желанную русскому духу, —
Она в зимнем мире нужна:
Вон дымчато-сизый березник,
Весны подступающей крестник,
Уже пробудился от сна.

* * *

Какой высокий день!

И сколько в мире света...
Густая синь небес свежа, как в феврале,
И круто, как в котле,
под крепким током ветра
Ключом кипит листва в вершинах тополей.
Последних теплых дней редяющие крохи,
Дыханье холодов уж слышно за спиной...
Сердечного тепла прощальные уроки
Усвоены ль вполне, скажи,
тобой
и мной?..

ЛЕТА НАШЕГО ИТОГ

Содержание

М.Базанков «...Над угором сияет звезда»	3
«А Родина — вот, за порогом...»	8
«Ах, какие нам грезились яви...»	10
«Барыня-мачеха кличет...»	11
«Вот и все... уезжаем...»	12
«Давай-ка, брат Серега...»	12
«Господа геологи, черти карьерные...»	13
«Дорога на то и дорога...»	14
«До дома — всего-то немножко...»	15
«Дымные серые Севера реки...»	16
«Мы кровь родовую презрели...»	16
«Нет, не раскаюсь до седин...»	17
«И в праздник чувства волком выть охота...»	18
«На чужой стороне не прожил бы дня...»	18
«Желтеет нищенский закат...»	20
«Медовым теплым золотом заката...»	20
«Над Севером России небеса...»	21
«Без сволочей вельможных...»	21
«Не по праву времена?...»	22
«Никола, озябла гитара...»	23
«Нет чувства выше, чем тоска...»	24
«Поздно: учиться «петь-танцевать...»	25
«Сумасшедший вокзал Ярославский...»	26
Памяти Олега Куваева	28

«Хоть подл закон, а впору веку!...»	30
«Одурев от житейской мороки...»	30
«В канун поминальной субботы...»	31
«Эта старая-старая книга...»	31
«Сердце песней не грею...»	32
«На потребу душе человеческой...»	32
«А припомнилось что? Подорожник...»	33
«Под закатной киноварью жаркою...»	33
«Помню: душу томило...»	34
«Ничего в ней нету, кроме...»	34
«Странных снов — обманных...»	36
«Старыми письмами печку топлю...»	36
«Сколь дивна зима на изломе...»	37
«Фотокарточка-картоночка...»	37
«На полслова, bestолково...»	38
«Пустое все... Сварю покрепче чай...»	39
«Ни беднее я не стал, ни богаче...»	39
«Ах, как молодо солнце смеется!...»	40
«Деревенские подружки...»	41
«Отклубил метелей дым...»	42
«Удачи давние не в счет...»	43
«Клятвы и слезы — все позабыла...»	43
«Еще беспечная вода...»	44
«Письмо... Издалека...»	44
«Перелесков осенних шелка...»	46
«Запад знобящим сеет дождем...»	47
«Что не жить на свете белом!...»	48
«Бродяге, брат, жениться недосуг...»	48
«Вся земля для того и жила...»	49

«Так славно скользила улыбка...»	49
«Тихое слово. Свет и покой...»	50
«Доченька!» — и вымолвить не смею...»	50
«Печь топлю. Простое дело...»	52
«Чем порадуя милую ранней весной?...»	53
«Вот и дожили мы до тепла!...»	53
«На кухне тесной, где бесятся мухи...»	54
«Обрызгает солнце траву...»	54
«Открыла черемух вьюга...»	55
«Молоко твоих рек, гражданин коростель...»	55
«Дождем истерзанной сиренью...»	56
«В глухом, тихохрустном овраге...»	56
«Под первым вымокнуть дождем...»	58
«Невидна земля, пустовата...»	59
«Ах, тоска моя, тоска!...»	59
«Бродит по небу ворона...»	60
«Во дворе госпитальном, где царствуют липы...»	61
«Птица ночная, дуреха...»	62
«Не к добру, брат, шумят тополя...»	62
«Зелень скудная рассвета...»	63
«Ласточка ходит высоко...»	64
«Туманны небеса исхода октября...»	65
«Первый снег — разлуки вестник...»	65
«Там, где рыжий, вонючий, крысиный...»	66
«Рябой хрусталь ручья лесного...»	68
«Только птахи повыхлещут свистом...»	69
«Дай-ка руки, тетка-елка!...»	70
«Зябко... Зеленого чаю...»	71
«Тощий серпик над снежным простором...»	71

«Этот sereneкий день над дорогой...»	72
«Дровни словно нарочно убоги...»	72
«Когда в снегу заледенелом...»	73
«Холода... Даже звезды повымерзли...»	73
«Поздно в России в февральскую пору светает...»	74
«Что пророчите, пророки...»	74
«Когда впотьмах, в толпе, в метельной мгле...»	75
«Под барабанный бой вранья...»	76
«Посерели, пожухли сирени...»	77
«Все тяжелее, все темнее тени...»	78
«На исходе весеннего дня...»	79
«После дождей — небеса высоки...»	80
«Пушай в лесу темно, и сроки...»	81
«Этот зверь о четыре копыта...»	82
«Как во сне постылом жить...»	84
«Ах, что я, Господи, — зима!...»	85
«Эта музыка...»	86
«Помер, пропал для вселенной...»	87
«Брожу весь день, как окаянный...»	87
«Я сумрачный, злой, непохожий...»	88
«Утром зябким, утром ранним...»	90
«Зарницами ночь разворована...»	91
«Машу себе мотыгой...»	91
«Вот затопим красавицу печь...»	92
«Литого, золотого...»	93
Февральская синица	94
«Какой высокий день!...»	95
Содержание	96

Леонид Николаевич Попов

ЛЕТА НАШЕГО ИТОГ

Издания Костромской писательской организации осуществляются в связи с принятой региональной программой изучения русской литературы.

За справками обращаться по адресу:
156005, г.Кострома, пл. Конституции, 1.
Костромская писательская организация.
Телефоны: 57-21-91, 57-35-02

Составление, общее и художественное редактирование — М.Ф.Базанков
Редактор — Е.А.Разумов
Художник — М.Ф.Базанков
Техническое редактирование, компьютерный набор и оригинал-макет — А.М.Базанков

Издание осуществлено при участии
Костромской областной администрации

Сдано в набор 20.08.97г. Подписано к печати 2.10.97г.
Заказ № 6191. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.

Отпечатано в областной типографии им. М.Горького
управления по делам печати и массовой информации
администрации Костромской области,
г. Кострома, ул.П.Щербины,2.